

18+

Елена Чумакова

Обострение памяти

Рассказы

Елена Чумакова

Обострение памяти. Рассказы

«Издательские решения»

Чумакова Е.

Обострение памяти. Рассказы / Е. Чумакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749889-4

Юность наполнена мечтами, грандиозными планами, зрелость — страстями и заботами. Но приходит время, когда мы всё чаще обращаемся к воспоминаниям. И не только личным. Где-то в глубинах подсознания просыпается генетическая память, обрывки разговоров, бабушкиных и дедушкиных рассказов выстраиваются в чёткие картины прошлого. Порой даже мимолётные встречи оставляют яркий след в нашей памяти. И как из разноцветных бусин собирают ожерелье, так из самых разных воспоминаний и событий собрана эта книга.

ISBN 978-5-44-749889-4

© Чумакова Е.
© Издательские решения

Содержание

Алхимики	6
Бандит	10
Вторая жизнь	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Обострение памяти Рассказы

Елена Чумакова

Фотограф Елена Чумакова

Корректор Светлана Улина

© Елена Чумакова, 2020

© Елена Чумакова, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4474-9889-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛХИМИКИ

– Ничего там хитрого нет. Я этот патефон разглядел внимательно, когда к Яшке ходил, понял, как он работает. Мы и сами сможем такой смастерить, – говорил Генка своему закадычному другу Кольке.

Мальчишкам было по двенадцать лет. Жили они по соседству и дружили с малолетства, сколько себя помнили. И хотя Колька Домрачев был чуточку постарше и почти на полголовы выше приятеля, заводилой в их компании был Генка Ефимов – шустрый пацан с непокорным ежиком темно-русых волос над упрямым лбом. Именно он был неистощимым источником всяких затей и проказ.

Колька, худой нескладный подросток с острыми локтями и коленками, всякий раз воспринимал новую идею друга недовольно, доказывая, что ничего хорошего из нее не выйдет. Но постепенно, в споре, затея захватывала и его, он включался в процесс с присущим ему упорством, не давая Генке отвлечься на что-то другое. Отцы у обоих работали в паровозном депо, матери, обремененные большими семьями, день-деньской хлопотали по хозяйству, а мальчишки в летнее время пользовались почти полной свободой: в хорошую погоду купались, ловили рыбу на Белой, в ненастную мастерили в сарае очередную Генкину придумку.

Ребята шагали по обочине дороги, разгоня босыми ногами тополиный пух вместе с дорожной пылью, миновали Покровскую церковь и переулками Пугачевской слободы стали спускаться к Белой. В руках несли самодельные удочки и ведро, в котором болталась завязанная тряпочкой банка с червяками. Сатиновые рубашки-косоворотки, подхваченные ремешками, оттопыривались на животах от запаса провизии – краюхи хлеба и нескольких яблок из своего сада.

– Ну, и из чего мы будем делать этот твой патефон? – скептически поджав губы, продолжил Колька разговор.

– Сам ящик сколотим из фанеры. Главное, чтобы внутри гладко всё было. Возьмем у отца лак, он не заругает. Рупор из картона склеим, он там внутри будет, в ящике.

– А диск, на котором пластинка крутится, где возьмем? Он же круглый и ровный должен быть.

– Ну... возьмем у матери из кадушки с капустой, она его под гнет подкладывает. А что? Отмоем, дырку в центре просверлим, бархатным лоскутом оклеим, чем не патефонный диск?

– А как он будет вертеться? Там же механизм какой-то должен быть, ручка сбоку торчит...

– Да... там пружина должна быть... А мы знаешь что? Катушку с ниткой туда поставим и диск к ней приклеим. За нитку тянешь, катушка диск вертит.

– А вот эта головка с иглой, которая по пластинке едет и играет? Ее из чего смастерим?

– Да... это не смастеришь... патефонные иглы, мембрану, пластинку, это всё придется купить.

– Купить, купить... а деньги где возьмем?

– У отца опять придется попросить. Дал же он нам денег на фотографические пластины для нашего фотоаппарата.

Недавно друзья сами смастерили настоящий фотоаппарат. Рядом с Верхне-торговой площадью открылась фотография Ершова, в витрине которой красовалась большая фотокамера в обрамлении изображений всяких дамочек. Ребята подолгу крутились возле этой витрины, осмелев, заходили внутрь, наблюдая за действием фотографа. Тот сначала гонял настырных мальчишек, потом стал пускать, давать мелкие поручения: сбегать за газетой, протереть с улицы витрину. Узнав, что их интересует устройство фотокамеры, объяснил и показал как это работает. Ребята тут же принялись мастерить свою камеру-обскуру. Сколотили ящик, выкра-

силы его изнутри и снаружи черной краской. Объектив смастерили из картона, вклеив внутрь линзу из отцовской лупы. Он потом ещё долго эту лупу искал. В ход пошли зеркальце сестры и черный клеенчатый фартук отца. Треногу соорудили из заостренных жердей, скрепленных обрезками кожаного ремня. Ох и влетело им потом за этот ремень от старшего брата! Оставалось дело за малым – за фотографическими пластинками.

Субботним вечером Генкин отец, Илья Лаврентьевич, после семейного ужина, к которому жена по традиции подала графинчик домашней наливки, вышел на крыльцо, свернул самокрутку со своим табаком-самосадам, с чувством затянулся и присел на ступеньку, наслаждаясь теплым майским вечером и предвкушением воскресенья. Тут-то и подсел к нему хитрый Генка. Рассказав о фотоаппарате, притащил из сарая и саму камеру. Илья Лаврентьевич подивился, погладил по голове смышленного отпрыска и дал денег на фотографические пластинки.

И фотографии у пацанов получились! Обе семьи – и Ефимовых, и Домрачёвых – охотно позировали, а потом рассматривали снимки, споря, где кто стоит. Изображения не отличались четкостью, но, если присмотреться, можно было себя узнать. Вскоре, однако, долгий процесс фотосъемки всем надоел, кроме Генки. Он хвостом ходил за мамой, сестрами, братом и ныл:

– Мам, ну подожди минутку, давай я тебя сфотографирую.

– погоди, сыночек, у меня пирог в печке, недосуг мне.

– Тося, давай я тебя сниму под яблонькой, знаешь, как красиво получится!

– Отвяжись, Генка, у меня завтра экзамен по бухучету.

– Нюсенька, у тебя платье такое красивое! Давай я тебя сфотографирую в нем на память!

Сестра, собравшаяся на гулянье в городской сад, отмахнулась:

– Ну тебя, Генка, на твоей фотографии все равно не разберешь, где я, а где дерево.

– Нюсь, я же его усовершенствовал, теперь фотография хорошая получится, вот увидишь! Я тебе и рамочку для нее сделаю, на стенку повесишь! Ты такая красивая сегодня!

Сестра клюнула на лесть.

– Ладно, давай, снимай, только быстрее, меня ждут.

Генка засуетился вокруг фотокамеры.

– Ты вот туда встань, чтобы солнышко на тебя падало. Да столбом-то не стой! Позу прими, чтоб как на открытке.

Нюся перекинула косу вперед, повернула плечико, отставила ножку.

– Снимай скорее, а то вон уже духовой оркестр заиграл в парке. Ох, связалась я с тобой!

Фото действительно получилось на редкость удачным. Генка выпилил для него резную рамочку и оно долго украшало уголок сестры.

Но больше денег на фотопластинки мальчишкам никто не давал, и камера пылилась без дела в сарае.

А теперь новая затея заняла их умы. Сидя с удочками на берегу, ребята обсуждали, как же смастерить этот самый патефон.

Колька пошел по бережку собирать ветки для костерка.

– Эй, Генка, смотри, что я нашел, – воскликнул он, ковыряя ногой глину.

Ребята склонились над ямкой, из которой торчала грязная цепочка. Откопали всю цепь, она оказалась длиной с ладонь.

– Кажись, медная. От ходиков, наверное.

– Не... от часов, что на пузе носят. А вдруг золотая?! А вдруг тут клад зарыт!

Но сколько не рылись ребята на берегу, больше ничего не нашли.

На следующий день, робея и подталкивая друг друга, друзья зашли в ювелирную лавку. Дверь на всякий случай оставили открытой. За окошком с надписью «Скупка золота» сидел старый еврей с лупой на лбу. Ожидая, что сейчас их выгонят внаше, ребята протянули ему отмытый и начищенный обрывок цепочки. Скупщик повертел его в руках, привычным дви-

жением опустил лупу на глаз, макнул кисточку в какой-то раствор и провел ею по цепочке. Мельком взглянул на мальчишек:

– Продаете? Сто двадцать рублей, больше не дам.

Ребята переглянулись, дружно закивали. Скупщик небрежно бросил цепочку в ящик стола, отсчитал деньги. Генка с Колькой вышли из лавки ошеломленные.

– Вот это да! Такие деньжищи! Можно целый месяц каждый день вдвоем в кино ходить!

– А цепка то и впрямь золотая оказалась!

Ребята отправились на барахолку, купили целиком патефонную головку с мембраной, накупили патефонных игл. И пластинку купили – «Танго Магнолия» называлась. А на оставшиеся деньги набрали в Торгсине конфет и целый кулек колбасных обрезков. В те годы остатки батонных дорогих колбас продавали на развес по цене немногим дороже дешевой колбасы, так можно было попробовать самые разные сорта даже очень дорогих колбас. Пир устроили на берегу реки, чтобы не объяснять домашним, откуда у них деньги. Излишества вышли им боком – у обоих прихватило животы.

Через пару дней оклемавшийся после «пира» Генка зашел навестить друга. Дома, кроме Кольки, не было никого. Отец на работе, мать ушла на рынок. Мальчишки обсуждали свое приключение.

– Вот бы еще такую цепку найти, – мечтательно сказал Колька. А Генка присматривался к цепочке настенных часов-ходиков, на которой висела гирька.

– Слушай, Колька, а ведь у ходиков цепочка точь-в-точь как та.

– Но она же не золотая, а медная.

– А я читал, что в древности были такие ученые, которые верили, что из любого металла можно сделать золото, нужно только найти, чем на него подействовать. Алхимики назывались.

– Ну и как, нашли?

– Не-а, не нашли.... А я вот думаю, может, мы с тобой нашли? Может, в том месте, на берегу, глина какая-то особая, и если медная цепочка в ней полежит, она становится золотой? А что, если та цепочка первоначально тоже была медной, от часов-ходиков? Кто-то там ее потерял, а она полежала-полежала в этой глине, да и стала золотой?

Ребята смотрели друг на друга, на цепочку.

– Давай отрежем кусочек и закопаем в том же месте на несколько дней.

– Не... от мамки влетит, – с сомнением покачал головой Колька.

– Так мы маленький кусочек отрежем, она и не заметит. А представляешь, если все получится? Мы потом всю цепь там закопаем и золотой сделаем. Представляешь, сколько деньжищ за нее получим?! Мы же все деньги потом им принесем... ну, маленько только себе оставим... Вот они обрадуются!

Мальчишки замолчали. В их воображении рисовались самые невероятные картины будущего богатства.

– Чем резать-то будем? – подал голос Колька.

Спустя час друзья уже закапывали хороший кусок медной цепочки в заветном месте.

Через несколько дней мальчишки торжественно внесли в горницу собственноручно изготовленный патефон и водрузили его на стол.

– Это что еще такое? – Илья Лаврентьевич опустил газету и глянул на громоздкое сооружение поверх очков.

Генка бережно положил на диск пластинку, опустил головку звукоснимателя и плавно потянул за нитку. Пластинка зашипела и по дому поплыл завораживающий голос Вертинского:

«В бананово-лимонном Сингапуре,
Когда поет и плачет океан...»

На звуки сбегались все домашние и с удивлением воззрились на необычное сооружение и сияющих от гордости пацанов.

Танго прослушали раз двадцать. Мальчишки купались в похвалах. Генка демонстрировал, что если тянуть за нитку сильнее, то мелодия становится быстрее, а голос певца высоким, словно поет ребенок, а если тянуть слабее, то мелодия становится вязкой, а певец поет басом.

Первой не выдержала Тося.

– Ну все, хватит! Прекратите этот кошачий концерт, мне заниматься надо.

– И правда, ребята, послушали, и хватит на сегодня, – поддержала дочку Прасковья Степановна. – Идите лучше погуляйте.

Ребята забрали свое творение и направились к Колькиным родителям. Там всё повторилось. Поначалу все восхищались и хвалили пацанов, но после двух десятков прослушиваний предложили немедленно отправиться погулять и унести из дома «эту штуку».

На следующий день мальчишек ни в один дом с патефоном не пустили. Они завели свою шарманку во дворе, наивно полагая, что сейчас все соседи сбегутся, будут их нахваливать и танцевать танго. Соседи действительно сбежались, чтобы потребовать «немедленно прекратить это безобразие». Пришлось обиженным друзьям песню про загадочную плачущую Иветту слушать в подполе. Однако, вскоре им самим это наскучило, и патефон отправился на полку к фотокамере.

На следующий день, решая, чем бы сегодня заняться, ребята вспомнили про свой «научный эксперимент».

– Пора выкапывать цепочку, – сказал Генка – уже больше недели лежит в глине, должно быть, уже стала золотой.

Они выкопали свой клад, долго отмывали и начищали цепочку, подержали для верности в ядреном рассоле от квашеной капусты. Цепочка засияла ярче предыдущей. Ничуть не сомневаясь, что у них всё получилось, ребята смело отправились в ту же ювелирную лавку, обсуждая дорогой, чего они накупят в этот раз.

Старик-ювелир, едва взяв в руки обрывок цепочки, тут же бросил ее обратно на прилавок:

– А ну забирайте и брысь отсюда, бездельники!

– Дяденька, да она точно золотая! Вы помажьте ее своей кисточкой, сами увидите!

– Я щас вам задницы помажу! Нашли кого обманывать! Брысь, сказал, а то милиционера позову!

Друзья удручено топали домой по улице Пархоменко, рассуждая, что «Вот ведь какой вредный старикашка, лень ему было помазать цепку кисточкой! А если бы помазал, то сам бы убедился, что она стала золотой»!

А дома их ждал скандал. Колькина мама заметила, что ходики почему-то приходится заводить чаще. Пожаловалась мужу, а тот заметил, что цепочка стала значительно короче. Кольке с порога учинили допрос. Он во всем сознался и вернул родителям сияющий обрывок злополучной цепочки. Узнав, кто зачинщик, рассерженная мать побежала к соседям. Вскоре Генка, как и его друг, стоял в углу и удрученно колупал стенку.

А в доме Домрачевых мать выговаривала сыну:

– Чтобы ноги этого выдумщика больше в нашем доме не было! Играйте во дворе, а еще лучше – на улице!

Колька слушал и думал, что, видимо, алхимикам не только в стародавние времена приходилось туго.

Бандит

Илья Лаврентьевич, находясь после сытного ужина в самом благодушном состоянии духа, вышел на крылечко своего дома. Нежный майский вечер принял его в свои объятия. Яблоневый сад за домом радовал взор. Был тот короткий, но прекрасный период, когда каждая яблонька, посаженная его руками, стояла в белом кружевном уборе, словно невеста перед алтарем. Илья Лаврентьевич присел на ступеньку, свернул самокрутку и сквозь толстые стекла очков, скрепленных сзади для надежности резинкой, оглядел двор.

Во дворе было весело. Сынок Генка, расположившись на лавочке, перебирал струны гитары. Дружок его, Колька, что-то рассказывал смешливой девушке, любуясь ямочками на ее щечках. Соседка Лиля пританцовывала, красуясь в светлом платье с рукавами-фонариками. Еще две девушки примостились на крыльце, как воробьи на ветке, и лузгали семечки. Илья Лаврентьевич любил эти вечерние посиделки. Среди молодежи он и сам словно молодец душой. Счастье-то какое – сынок младшенький после такой войны вернулся живой-невредимый! Дружку Кольке меньше повезло, комиссовали после ранения, но тоже живой, руки-ноги на месте, это ли не счастье? А что шрамы на лице и на теле, так разве сейчас девушки на это смотрят? Женихов после войны раз-два и обчелся. Жаль, Пелагея Степановна не дожидается до этих денечков, не встретила сына. А так ждала! Он в армии уцелел, а она здесь, в тылу, не пережила холодной и голодной зимы сорок третьего.

Вспомнив о жене, Илья Лаврентьевич загрустил. Большой черный пес, словно поняв печаль хозяина, подошел и ткнулся холодным мокрым носом в его ладонь, шумно вздохнув, улегся возле ног.

– Что, Бандит, плохо нам с тобой без нашей хозяйки? Ничего, дружок, скоро, глядишь, сынок новую хозяйку в дом приведет, еще заживем.

– Илья Лаврентьевич, вы с собакой ровно с человеком разговариваете, – блеснула белозубой улыбкой Лиля – неужто он вас понимает?

– Еще как понимает! Лучше иного человека. Он у нас умный пес, тока что не говорит.

– Скажете тоже! – Лиля присела рядом на ступеньку.

– А вот смотри на него!

И Илья Лаврентьевич начал ровным голосом:

– Бандит у нас хороший пес, умный, сторож отменный: и сад, и дом от лихих людей охраняет. Он теперь мои глаза, я без него никуда. И ответственность свою понимает, не шалит, когда меня ведет.

Пес завил хвостом. Поводя ушами, положил довольную морду на лапы. Илья Лаврентьевич продолжал, не меняя интонации:

– Правда, в остальное время хулиганить любит. Все соседи на его проказы жалуются.

Собачий хвост замер, уши насторожились. Довольное выражение с морды исчезло.

– Вот наемни Домрачевы жаловались, что Бандит в их дворе догонялки с петухом затеял, перья из хвоста выдрал. Петух с перепугу охрип. Соседка обещала нашего разбойника хворостинной отходить.

Пес встал и ушел за дом.

– Видала? Все понял.

– Вот это да! – удивилась Лиля.

– А за что вы имечко ему такое дали – Бандит? – вмешалась в разговор еще одна девушка.

– Так это не я дал. Я его Угольком назвал. Мне друг подарил щенка немецкой овчарки. Он тогда весь черный был, словно сажей вымазанный, ну чистый уголек! Рыжие подпалины на боках и на морде позже появились. А Бандитом его соседки прозвали за его шалости, да

так и приклеилось к нему новое имечко, про Уголька-то все и забыли: Бандит, да Бандит. Уж больно пошутить любит.

– Собака? Шутить? Как это?

– А как человек. Я когда зимой двор от снега чищу, у забора сугроб получается до самого верха. А с другой стороны забора тротуар расчищенный. Бандит забирается на этот сугроб, ложится плашмя и из-за забора за тропкой наблюдает. Идет мужик – пес лежит. Идет ребенок – пса не видать. Идет баба с пустыми ведрами к колонке – пес в сугроб вожметя, словно нет его. А вот когда баба с полными ведрами на коромысле назад идет, да как только с ним поравняется, тут Бандит вскакивает и во весь голос сверху: «Гав!». Баба: «Ой!» – и бряк на снег! Коромысло в сторону, ведра набок, а он хвостом виляет, довольный! Тока что не хохочет! Баба тока-тока пытается встать, он снова: «Гав!», она снова – бряк. И так, покуда кто-то из нас на выручку не придет. Уж и ругали его, и наказывали – всё без толку. Чуть отвернемся, он уже на своем наблюдательном пункте новую жертву караулит. Все соседки, зная его повадку, мимо нашего забора с полными ведрами не ходят, по другой стороне улицы наш двор обходят. Разве что которая забудется, либо новую какую подкараулить ему удастся. Ну, тогда у него праздник. Довольнешенек! Настоящий бандит!

Илья Лаврентьевич встал, вернулся в дом. Вышел на крыльцо уже с котомкой, тростью и поводком.

– Эй, Бандит, на работу пора. Мне чай пить, тебе склад сторожить.

А пес уже тут как тут, ждет, пока хозяин поводок пристегнет.

И пошли они чинно рядышком, два друга, молодой да старый.

Вторая жизнь

Виктория Евгеньевна Томина спешила. Как обычно, она немного опаздывала на работу. У нее всегда были сложные отношения со временем – она не чувствовала его течения, не умела точно рассчитать. В конструкторском бюро, которым Виктория Евгеньевна руководила много лет, к этой ее особенности давно привыкли, она компенсировалась тем, что уходила с работы домой начальница также не торопилась, увлекшись делом, забывала посмотреть на часы. Томина любила свою работу, свой отдел и «девочек», много лет работавших под ее руководством. Вместе они проводили едва ли не больше времени, чем с родными семьями. Во многом благодаря характеру начальницы, отношения между коллегами сложились дружеские, поэтому отдел пользовался доброй славой. Пятнадцать лет назад, когда Томина пришла в бюро, здесь скучали четыре сотрудницы. Сейчас они и всемером не управлялись с потоком работы. В последние годы Виктория Евгеньевна добивалась расширения отдела, увеличения штата, закупки нового оборудования. И вот, наконец, ее мечта осуществилась: для них освободили просторное соседнее помещение, завезли компьютеры, мебель. Целый месяц женщины работали под визг электродрели, стук молотков, дышали строительной пылью и запахами краски, терпели и мечтали, как комфортно будет работать в новых условиях. Теперь почти все было готово – не сегодня, так завтра переезжать.

Прибежав на работу, Виктория Евгеньевна первым делом зашла в будущее конструкторское бюро, проверила, как идет монтаж оборудования, как расставили мебель. Затем вернулась в старое помещение и погрузилась в повседневные дела. Очередной проект, над которым отдел дружно работал последние месяцы, был почти готов к сдаче. Уложились в срок, а значит, все получат премию.

После обеда Томина вызвали в отдел кадров. Она отправилась туда в прекрасном расположении духа, думая, что речь пойдет об увеличении штата сотрудников отдела. Кадровичка – холеная дама средних лет, чем-то похожая на добермана – положила перед ней лист бумаги и ручку:

– Виктория Евгеньевна, недавно Вам исполнилось шестьдесят лет, пора отправляться на пенсию, уступить, так сказать, дорогу новым кадрам. Пишите заявление на увольнение по собственному желанию.

– То есть как на увольнение?.. Я вполне в состоянии еще работать, на здоровье не жалуюсь... Я пока не планировала... на пенсию. Сейчас предстоит сдача проекта, расширение отдела. Столько планов...

– Ну, с работой бюро справится и без вас. Незаменимых сотрудников, как показывает опыт, нет. В том-то и дело, что в связи с расширением отдела его функции возрастут. Руководство пришло к выводу, что с этой работой лучше справится более молодой, энергичный руководитель.

– А ничего, что я этот отдел вырастила? Что столько лет добросовестно работала в нашем институте? – удивление быстро переросло в обиду и возмущение. – Неужели я заслужила только, чтобы меня вот так, как использованную бумажку, в одночасье скомкали и выбросили? Когда я пришла сюда на работу, институт на ладан дышал. А сейчас вон как развернулся!

– Это не только ваша заслуга, – кадровичка оставалась непробиваемо спокойной, – мы все работаем. Никто не умаляет ваших успехов, за то вы регулярно получали грамоты, премии. А теперь пришла пора Вам уходить. Пишите заявление с сегодняшнего числа.

Она отвернулась к монитору компьютера, защелкала по клавишам, давая понять, что разговор окончен.

– Как с сегодняшнего? А положенные по закону две недели?

– На пенсию Вы имеете право уйти без отработки, – нехотя ответила «доберманша» не поворачивая головы. Руководство считает, что будет разумнее, если организацию работы обновленного конструкторского бюро с самого начала возьмет на себя новая начальница.

– И кому я должна сдать дела?

– Виолетте Олеговне, которую Вы сами рекомендовали на должность своего зама. Приказ о ее назначении уже подписан.

– А если я не буду писать это заявление?

«Доберманша» вздохнула, нехотя повернула свою изящную голову на длинной шее:

– Тогда мы будем вынуждены уволить Вас по статье. Например, за регулярные нарушения трудовой дисциплины.

Виктория Евгеньевна ошеломленно смотрела на чистый лист бумаги, лежащий перед ней, потом взяла ручку, быстро написала заявление, поставила размашистую подпись, встала и молча вышла из кабинета.

В голове у нее слегка шумело, и казалось, что пол пружинит под ногами. Она вернулась на свое рабочее место. Немного посидела, приходя в себя. В отделе царил привычная обстановка. Все были заняты работой. Виктория Евгеньевна переводила взгляд с одной своей «девочки» на другую. Каждая из них когда-то приходила к ней совсем молоденькой. Она помнила их замужества, провожала в декреты и встречала после них, помогала с садиками, знала об их семейных неурядицах, все они выросли и потихонечку начинали стареть на ее глазах. Эти «девочки» были ее второй семьей. И вот теперь ей предстояло от них уйти. Навсегда. Наверное, они быстро привыкнут к ее отсутствию, сработаются с Виолеттой, полгода назад появившейся в их коллективе, все будет как обычно, только без нее. Она станет для них всего лишь бывшей начальницей.

Виктория Евгеньевна сложила в пакет свою чашку, ложку, фотографию сына в рамочке и забавную фигурку кошки, когда-то подаренную ей на восьмое марта, сунула в другой пакет теплую безрукавку, удобные рабочие туфли. Сняла со стены многочисленные грамоты и дипломы, попыталась и их засунуть в пакет, но стопка в него не поместилась. Да и к чему они ей теперь? Тогда она освободила нижний ящик стола и сунула эти свидетельства былых успехов туда. Огляделась. Вот и все, больше тут ничего из ее вещей не осталось.

Подошла программистка с каким-то вопросом.

– Обращайтесь теперь к Виолетте Олеговне, – как могла спокойно ответила Виктория Евгеньевна, – она ваш новый начальник, а я с сегодняшнего дня пенсионерка. Кстати, где она?

– Не знаем, – пожала плечами программистка. – Вышла куда-то следом за Вами, и не вернулась пока.

«Ну, конечно, сбежала от греха подальше, – с обидой подумала Виктория, – уж она-то точно была в курсе грядущих событий! Возможно, и поспособствовала им. Девушка нацелена на карьеру. Бог ей судья. Придет и ее час».

– Как? – к столу Виктории Евгеньевны подошла симпатичная толстушка Катя. – Вы нас бросаете в такой момент? Уходите от нас прямо сейчас?

– Девочки, я не планировала уходить, но руководство так решило. Не поминайте лихом.

– Как же так? – все собрались вокруг бывшей начальницы. – Давайте хоть чаю попьем вместе на прощание, проводим по-человечески...

– Как-нибудь в другой раз. Не сегодня, – Виктория Евгеньевна понимала, что не в силах сейчас обсуждать с коллегами тему своего увольнения. Она терпеть не могла, когда ее жалели.

В проходной у нее забрали пропуск. В последний раз она миновала турникет, словно Рубикон перешла.

Она долго бродила по скверу между институтом и домом, туда-сюда. Стемнело. Между заснеженных еловых лап уютно желтели фонари. Из ярко освещенного киоска, стилизованного под русскую избушку, вкусно пахло блинами и кофе. Из динамика, укрепленного над окошком

избушки, раздавалась бодрая музыка. Кофе оказался слишком горячим, блин пресным. Виктория Евгеньевна устала от своих мыслей и замерзла. Постояв еще немного среди гуляющей публики, она побрела домой.

Дом встретил ее привычной тишиной. Навстречу хозяйке вышел в надежде на второй ужин толстый и ленивый кот Поль. Сын Виталик, как обычно, сидел в наушниках за монитором компьютера. Мир компьютерных игр был для него более реальным и привычным, чем то, что происходило вокруг на самом деле. Отчисление из института за пропуски, отсутствие нормальной работы, казалось, мало его огорчали. Гораздо больше Виталий переживал, если за неуплату отключали интернет. Чтобы было чем платить, он подрабатывал в соседней пizzerии, доставлял пиццу заказчикам. На интернет, кофе и картошку фри его заработка хватало, а больше в реальном мире ему ничего не было нужно. Слова матери о необходимости получения хоть какой-то профессии, приличной работы с нормальной зарплатой скользили мимо его сознания, словно надоедливый комариный писк. Новость о том, что мать отправили на пенсию, заставила его задуматься. Виктория Евгеньевна ждала, что сын скажет что-то типа: «Не расстраивайся, мать, я найду работу и буду обеспечивать нашу семью». Но Виталий выдал совсем иное:

– Я думаю, ты сможешь найти какое-нибудь новое место. Не будешь же ты дома сидеть?

– Нет, сынок, «новое место» будешь искать ты, а мне, действительно, пора отдыхать.

– Ну вот, опять началось! – недовольно буркнул сын и, отодвинув чашку с недопитым чаем, вернулся за свой компьютер.

Закончив ежевечерние дела на кухне, Виктория Евгеньевна села в кресло, раскрыла книгу, но читать не смогла. Она рассматривала крупную фигуру сына, сгорбившуюся перед монитором. Как же он похож на своего отца!

Лев возник в ее жизни накануне сорокалетия, когда она уже не ждала ничего романтического. Единственная юношеская любовь давно растаяла, как дымок от костра. Родители были категорически против раннего замужества:

– Второй курс института! Об учебе думать надо, а не о шурах-мурах! Вот получишь профессию, тогда и замуж можно выходить.

Виктория была послушной дочерью. Несостоявшийся жених, получив отказ, ждать не стал, уехал с какой-то геологоразведывательной экспедицией. Институт Виктория благополучно закончила, заветный красный диплом получила, но вот предложения выйти замуж больше ни от кого не дождалась. «Ничего удивительного, – вздыхала она, рассматривая себя в зеркале, – не красавица, что уж говорить».

Со Львом Виктория познакомилась на вечеринке у одной из приятельниц. Интеллигентный мужчина с приятной внешностью особого интереса у нее не вызвал – она трезво оценивала свои данные. К тому же он оказался года на четыре моложе. Виктория удивилась, когда Лев вызвался проводить ее до дома. Он предложил прогуляться пешком. Собеседником он оказался так себе, больше молчал, и ей пришлось самой поддерживать беседу, поэтому оказавшись в собственном подъезде, она вздохнула с облегчением. Каково же было удивление Виктории, когда на следующий день Лев встретил ее с работы. И снова почти молча проводил до подъезда. Так повторялось изо дня в день. Вскоре Виктория уже ждала этих встреч, каждый раз волнуясь: «А вдруг сегодня не придет?» Не прошло и месяца, как Лев остался у нее на ночь, а потом и вовсе появился на пороге с чемоданом в руках. Теперь вечерами она готовила ужин на двоих, с удовольствием прислушиваясь к его шагам и голосу, к шуму воды в ванной, к бормотанию телевизора в комнате. Виктория преобразилась, ей хотелось наряжаться, нравиться, даже немного кокетничать. Впервые рабочие дни казались слишком долгими, а коллеги слишком скучными. Она была счастлива, когда шла с ним под ручку по бульвару или советовалась, делая покупки. И не так важно, что расплачивалась из своего кошелька, что цветы он подарил ей лишь однажды, на восьмое марта, что часто недовольно брюзжал, главное – он был рядом.

Лев не любил рассказывать о себе, о своей работе, считая ее нудной необходимостью, а коллег «тупыми уродами». Виктория не то чтобы не замечала этих странностей, но мирилась с ними, извиняла Льва. У каждого свой характер, свои недостатки. Это было бы слишком большим подарком судьбы, если бы ее мужчина обладал не только приятной внешностью, но и хорошим характером. Уж какой достался, и за это спасибо судьбе.

Однако семейная иллюзия длилась недолго. Через полгода Виктория обнаружила, что беременна. Лев отреагировал на это известие совсем не так, как она ожидала.

– Вот тебе здрасте! Зачем это нам? Надеюсь, ты не собираешься рожать?

– Собираюсь, – впервые голос Виктории обрел твердость.

– А как же я? Я не планировал заводить детей с... – Лев осекся на полуслове, но Виктория поняла, что он чуть не сказал.

– А ты решай сам. Хочешь – оставайся и живи с нами, не хочешь – уходи. Я тебя не держу, и на твою помощь не претендую.

На следующий день, вернувшись с работы, Виктория не обнаружила в квартире ни Льва, ни его вещей. Ключ выпал из почтового ящика. Ей самой было удивительно, как мало ее это опечалило. Скорей она ощутила облегчение, что больше не нужно подстраиваться под настроение своего сожителя, так и не пожелавшего стать мужем. Бог ему судья. Главное, скоро в ее жизни появится ребенок. Ее ребенок!

Виталька родился под Новый год. Крупный, крепенький мальчишка. Виктория не могла налюбоваться на сына, радуясь, что он больше похож на своего отца, чем на нее.

Лев так и не объявился, не поинтересовался, кто родился. Изредка Виктория сталкивалась с ним в транспорте или на улице. Поздоровавшись, как едва знакомые люди, они проходили мимо друг друга. Лишь однажды Лев подошел к ней, когда Виктория гуляла с Виталькой на детской площадке. Постоял рядом, наблюдая, как сын катается с горки, задал несколько обычных вопросов. Помолчав, спросил, можно ли ему принести сыну подарок «от Деда Мороза».

– Конечно можно, если есть желание, – просто ответила Виктория, – адрес ты знаешь.

И он явился! Принес коробку с детской железной дорогой. Даже помог Витальке ее собрать. Виктория, накрывая ужин, с затаенной надеждой и тревогой наблюдала за сыном и его отцом. После ужина Лев распрощался и ушел, на этот раз навсегда.

Особенно переживать времени не было. Родители старели, болели, требовали все большего внимания. Брат Леонид был не столько помощником, сколько еще одним взрослым ребенком, тоже требующим ее заботы. Личная жизнь у брата никак не складывалась. После смерти родителей Леонид все чаще проводил вечера у сестры. А Виктория и не возражала. Брат в какой-то степени заменил ее сыну отца. Втроем на воскресной прогулке они выглядели со стороны как вполне благополучная семья.

Виталий рос обычным мальчишкой, радовал мать неплохими оценками в школе. Забеспокоилась Виктория, когда классная руководительница обратила ее внимание, что у Виталика почти нет друзей, что он замкнут, держится в стороне от одноклассников. Сын унаследовал от отца не только телосложение, внешность, но и некоторые неприятные черты характера. А потом в их жизнь вошел компьютер, и сын окончательно вышел из-под влияния матери. Школу он все же закончил с неплохим аттестатом. И даже сходу поступил в институт! Однако на этом успехи Виталия завяли. Компьютерные игры стали смыслом его существования. Все остальное он воспринимал как помеху.

Виктория Евгеньевна проснулась по звонку будильника, как обычно, ровно в семь. Сонная, теряя тапки, отправилась в ванную. Умываясь, вспомнила, что на работу ей сегодня, равно как и все последующие дни, спешить не надо. Она вернулась в свою постель, плотнее завернулась в одеяло, закрыла глаза, но сон не шел. Бессчетное количество раз, с трудом заставляя себя по утрам вылезти из постели, она завидовала тем, кому нет нужды вставать рано. И вот пришло

время, когда можно спать дольше, так почему же ей не спится?! Покрутившись на своем диване более получаса, Виктория Евгеньевна отправилась на кухню пить кофе. Виталий, привыкший ложиться под утро, крепко спал. Кот Поль спозаранок терпеливо дежурил возле своей миски. Прежде чем накормить кота, хозяйка поговорила с ним, почесала за ушком, по опыту зная, что после еды Поль фамилльярностей в отношении собственной персоны уже не допустит.

Виктория Евгеньевна задумалась, чем занять ставший таким длинным день. А завтра?.. Послезавтра?.. С чашкой кофе подошла к окну. Во дворе наблюдалась обычная для этого часа суета. Томина удивилась собственному чувству зависти к тем, кто спешил на работу. Ее никто нигде не ждал. Столько лет она шла в институт и здоровая, и больная: с давлением, с температурой, с болью в ногах, даже с гипсом на сломанной руке, даже на костылях, когда в гололед подвернула ногу! Она была убеждена, что без нее что-нибудь пойдет не так. А теперь ее просто заменили, как отработанную деталь. «Пишите заявление. Мы в вас больше не нуждаемся». Просто списали в утиль... Чем унять эту боль?.. Куда себя деть? Виктория Евгеньевна взяла книгу, попыталась читать, но никак не могла вникнуть в содержание. Мысли возвращались к собственной обиде. Включила телевизор, взяла в руки вязание, но, провязав несколько рядов, запуталась в узоре, с досадой убрала рукоделие.

Взгляд наткнулся на пятно на обоях. Сколько лет этим обоям? А этому линолеуму, купленному в годы всеобъемлющего дефицита? В ванной три плитки кафеля отвалились... Квартира давно требовала ремонта, но раньше на это не было времени: то сроки сдачи проекта горели, то отчет надо было сдавать... квартальный... годовой. А деньги уходили то на оплату репетиторов для сына-старшеклассника, то на его учебу в вузе, то на поездки к морю, потому что у него были слабые легкие. Теперь свободного времени в избытке, но на пенсию много ли отремонтируешь? Да и не все ли равно? Она привыкла к этим обоям, потертому линолеуму, старомодной мебели. Авось, на ее век хватит.

Виталий проснулся, позавтракал и ушел в свою пиццерию. Одной оставаться в четырех стенах было невыносимо. Виктория Евгеньевна собралась и вышла на улицу. В соседнем парке в этот час было немногочленно. Бодрые старички и старушки энергично скользили мимо на лыжах, маршировали с палками для скандинавской ходьбы. Пожалуй, пора и ей покупать такие палки. Томина содрогнулась от этой перспективы.

Ее обогнала группа молодых людей, бегущих трусцой. Наверное, соседняя школа облюбовала парк для уроков физкультуры. Виктория Евгеньевна услышала, как девушка сказала парню: «Осторожно, бабушку не сшиби!» Оглянулась – на аллее никого, кроме нее. Выходит, это сказано о ней? Она – бабушка?! Она пока что не думала о себе, как о бабушке, считала, что выглядит молодо, лишнего веса почти нет, и одевается не то чтобы модно, но по-деловому, не как старушка... Настроение упало окончательно. На глаза навернулись слезы. Ну, точно! Слезливая старуха! Виктория Евгеньевна постаралась взять себя в руки.

На выходе из парка увидела афишу: «Художественная галерея „Арт“. Выставка картин Ариадны Бренер, выполненных в технике кинусайга» и ниже фото картины необыкновенной красоты. Афиша заинтриговала. До конца выставки оставалось всего три дня, поэтому Виктория Евгеньевна решила отправиться прямо сейчас. Как же давно она не бывала на выставках, в театрах, на концертах! Кажется, пришло для этого время.

То, что она увидела в залах галереи, превзошло все ее ожидания. Она ходила от одной работы к другой, возвращалась к уже увиденным, рассматривая каждую деталь. Вот усадьба, увитая розами, с фонтаном на лужайке. Вот яркие жирафы, идущие на водопой к быстрому ручью. Вот цветочный рынок в Амстердаме, поражающий обилием красок. Вот зимняя дача, с утонувшими в снегу скамейкой и качелями. Вот коралловый риф, экзотические рыбы, медузы и скат, проплывающий над ними, словно самолет в небе...

Все картины были выполнены из лоскутов тканей. Игра рисунков, фактур создавала особый эффект, недоступный обычным краскам. Виктория Евгеньевна с детства любила рукоде-

лие, умела шить и вязать. Так, для себя, своих близких. Лоскуты вызвали приятные ассоциации с юностью, когда хотелось наряжаться и нравится, будили фантазию. И сейчас ей захотелось самой попробовать сделать своими руками что-то, хоть немного похожее на увиденные работы. Она подошла к смотрительнице зала, спросила, нельзя ли что-нибудь узнать об этой загадочной технике кинусайга, о художнице.

– Почему же нельзя? Можно. Вы можете расспросить автора. Вон она разговаривает с администратором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.